

Лекция XIII. Колонизация стран Магриба Судана и Эфиопии

План:

- 1) *Установление колониального господства в Западном Магрибе*
- 2) *Ливия*
- 3) *Египет*
- 4) *Судан*
- 5) *Сомали и Эфиопия*

1) *Установление колониального господства в Западном Магрибе.* Вся северная и почти вся северо-восточная часть африканского континента была завоевана арабами еще в раннем средневековье, начиная с VII в., когда воины ислама создавали Арабский халифат. Пережив бурную эпоху завоеваний и войн, этнического смешения в ходе миграций и ассимиляции местного берберо-ливийского населения арабами, страны Магриба (как именуется западная часть арабоисламского мира) в XVI в. были, за исключением Марокко, присоединены к Османской империи и превращены в ее вассалов. Впрочем, это не помешало европейцам, прежде всего соседям магрибинских арабов, португальцам и испанцам, в то же время, на рубеже XV–XVI вв., начать колониальные захваты в западной части Магриба, в Марокко и Мавритании. Мавритания с 1920 г. стала колонией Франции, о чем уже упоминалось в предыдущей главе. Соответственно и ее исторические судьбы в период колониализма оказались более связанными с судьбами суданской Африки. Марокко же было и остается страной североафриканского Магриба, о котором теперь пойдет речь.

Марокко. Правившие страной в XV–XVI вв. султаны династии Ваттасидов, потомки берберской династии Маринидов (XIII–XV вв.), пытались сдержать натиск колонизаторов, грабивших районы побережья и увозивших марокканцев в качестве рабов. К концу XVI в. эти усилия привели к некоторым успехам; к власти пришли султаны шерифских (т. е. возводивших свой род к пророку) арабских династий Саадидов и Алавитов, опиравшихся на фанатичных сторонников ислама. XVII и особенно XVIII вв. были временем усиления централизованной администрации и вытеснения европейцев (испанцам удалось сохранить за собой лишь несколько крепостей на побережье). Но с середины XVIII в. наступил период упадка и децентрализации, внутренних междоусобиц. Слабые правительства были вынуждены идти на уступки иностранцам (в 1767 г. были заключены соглашения с Испанией и Францией), но сохранили при этом за собой монополию на внешнюю торговлю, осуществлявшуюся в нескольких портах (в 1822 г. их было пять).

Колониальные захваты французов в Алжире в 1830 г. были восприняты в Марокко с некоторым удовлетворением (был ослаблен грозный сосед и соперник) и с еще большим опасением. Марокканцы поддержали антифранцузское движение алжирцев во главе с Абд аль-Кадиром, но именно это послужило поводом для французского ультиматума Марокко. Попытка под знаменем джихада противостоять натиску колонизаторов успеха не имела и после поражения 1844 г. лишь вмешательство Англии помешало превращению Марокко во французскую колонию. В обмен на это вмешательство и последующее покровительство англичан султан по договору 1856 г. вынужден был открыть Марокко для свободной торговли. Испано-марокканская война 1859–1860 гг. привела к расширению испанских владений на марокканском побережье и к дополнительным торговым уступкам, после чего в 1864 г. прежняя монополия на внешнюю торговлю была упразднена.

60–80-е годы были временем энергичного проникновения европейцев в Марокко. Был создан режим льгот и капитуляций для торговцев и предпринимателей, европеизировались некоторые города, прежде всего Танжер и Капабланка, складывался слей компрадоропосредников из числа зажиточных марокканцев, связанных деловыми связями с европейскими компаниями (этих посредников именовали французским словом «протеже»). Стремясь предотвратить превращение страны в полуколонию, султан Мулай Хасан (1873–1894)

предпринял ряд реформ, включая реорганизацию армии и создание военной промышленности. Но эти реформы, весьма ограниченные по характеру по сравнению, скажем, с турецким Танзиматом, вызвали сопротивление традиционалистов, возглавлявшихся религиозными братствами во главе с их шейхами-марабутами. При преемнике Хасана Абд аль-Азизе (1894–1908) попытки реформ были продолжены, но с тем же результатом: немногочисленные сторонники реформ и модернизации страны, вдохновлявшиеся идеями младотурок и издававшие свои газеты, мечтавшие даже о конституции, наталкивались на возраставшее недовольство масс, повстанческое движение которых было направлено как против «своих» реформаторов, так и прежде всего против иностранного вторжения, в защиту традиционных, привычных норм существования под знаменем ислама. Движение ширилось, и в 1911 г. султан был вынужден обратиться за помощью к французам, которые не замедлили с оккупацией части Марокко. По договору 1912 г. Марокко стало французским протекторатом, за исключением небольшой зоны, превращенной в протекторат Испании, и объявленного международным портом Танжера.

Начался период быстрого промышленного развития и эксплуатации природных ресурсов страны: добывались и экспортировались фосфориты, металлы (марганец, медь, свинец, цинк, кобальт, железо), выращивались цитрусовые, заготавливалась пробковая кора. Иностранные, преимущественно французские, компании вкладывали в промышленное освоение Марокко огромные капиталы, строили железные дороги, развивали энергетику и торговлю. До миллиона гектаров плодородной земли было передано европейским (в основном французским) колонистам, ведшим фермерское хозяйство с применением наемного труда. Промышленное строительство и связанная с ним модернизация оказывали воздействие на традиционную и еще недавно столь энергично сопротивлявшуюся вторжению европейцев структуру; немалое количество крестьян уходило из деревни в город, где росли ряды рабочих и образованных слоев населения. И хотя сопротивление не прекращалось, а подчас принимало даже несколько неожиданные формы традиционная структура не только сопротивлялась, но и как-то приспособлялась к новым условиям.

Алжир. Расположенный к востоку от Марокко Алжир в XVI–XVII вв. находился под властью правителей, считавших себя вассалами турецкого султана. С XVIII в. Алжир стали возглавлять избиравшиеся янычарами их предводители-деи, причем вассальная зависимость страны от султана стала призрачной, тогда как влияние европейцев все усиливалось: существовали консульства держав, развивались торговые связи, расцветали города, ремесла. В стране было множество мусульманских школ и даже несколько высших учебных заведений.

В 1830 г., используя в качестве повода незначительный конфликт (во время приема французского консула, с которым велись переговоры об алжирском долге, рассерженный дей ударил его хлопущкой для мух), король Карл X начал войну с Алжиром, хотя и завершившуюся быстрой победой, но вызвавшую длительное сопротивление, восстание Абд аль-Кадира. Подавление этого и иных следовавших за ним восстаний потребовало от французов немалых усилий, но не мешало им энергично утверждаться в Алжире в качестве его колонизаторов. Из фонда государственных земель щедро выделялись участки для европейских колонистов, число которых быстро увеличивалось. Так, в 1870 г. в их руках было чуть больше 700 тыс. га, в 1940 г. – около 2700 тыс. га. Среди французских переселенцев было немало и радикалов, даже революционеров: в составе созданной в 1870 г. Республиканской ассоциации Алжира (организация европейских переселенцев) были рабочие с социалистическими убеждениями. Существовала даже алжирская секция I Интернационала, а в дни Парижской коммуны в 1871 г. в городах Алжира проходили демонстрации в ее поддержку.

Что же касается арабо-исламского населения, то оно занимало выжидательные позиции и сопротивлялось европейской колонизации всеми способами, включая спорадически вспыхивавшие восстания, преимущественно во главе с религиозно-сектантскими деятелями. Однако распространение европейских форм организации труда и потребность в рабочих руках в фермерских хозяйствах колонистов, а также на промышленных предприятиях, возникавших в городах, вели к постепенному втягиванию некоторой доли алжирцев в новые производственные

связи. Возникали первые отряды алжирских рабочих, приобщались к капиталистическому хозяйству ремесленники и торговцы (первоначально городское население состояло преимущественно из неалжирского населения – из турок, мавров, евреев и др.). В целом же, однако, экономическое господство европейского, в основном французского, капитала было неоспоримым. Что касается форм управления, то до 1880 г. делами коренного населения ведали специальные «арабские бюро» во главе с французскими офицерами, затем в зонах массового проживания алжирцев появились «смешанные» коммуны, управлявшиеся французскими администраторами. Там, где существовало влиятельное по количеству европейское население или европейцы численно преобладали, создавались «полноправные» коммуны, где существовали избирательная процедура, выборные муниципалитеты (алжирцы в любом случае имели не более двух пятых общего числа депутатов муниципалитета). Немногочисленная прослойка состоятельных алжирцев (в конце XIX в. – около 5 тыс.) могла принимать участие в выборах алжирской секции-курии совета при генерал-губернаторе.

На рубеже XIX–XX вв. в Алжире появилась заметная прослойка интеллигентов, которая выступала против «туземного кодекса» (введен в 1881 г.), ограничивавшего права алжирцев и запрещавшего их участие в политической жизни. Стали создаваться различного рода культурные и просветительские ассоциации, издаваться газеты, журналы, книги. Хотя по форме это были преимущественно выступления в защиту ислама, арабского языка (он заметно вытеснялся французским) и шариата, существовала и влиятельная группа младоалжирцев, ориентировавшихся – по аналогии с младотурками – на сближение с западной, французской культурой, требовавших уравнивания алжирцев в правах с французами.

Участие многих десятков тысяч арабо-алжирцев (наряду с алжирцами-французами) в первой мировой войне дало сильный толчок развитию национального самосознания в послевоенные годы, чему способствовало и значительное увеличение прослойки арабоалжирских интеллигентов, в том числе получивших образование в Европе.

Тунис. Ставший с XVI в. частью Османской империи Тунис, расположенный к востоку от Алжира, длительное время был базой средиземноморских пиратов-корсаров и одним из центров работорговли («товаром» чаще всего были ставшие добычей корсаров пленные европейцы). Большое количество таких рабов, равно как и высланные в начале XVII в. из Испании преследовавшиеся там мавры-мориски, испанские мусульмане, сыграли определенную роль в формировании этнической культуры тунисских верхов, потомков морисков, турецких янычар и христианских рабынь гарема. Бей из династии Хусейнидов (1705–1957) хотя и считались вассалами султана, вели себя как независимые правители и, в частности, заключали соглашения о торговле с европейскими государствами. Связи с европейцами, активная торговля, пиратство, миграция морисков – все это способствовало развитию страны, 20% населения которой в конце XVIII в. жило в городах, переживавших период расцвета после отмены государственной монополии на внешнюю торговлю. В Европу тунисцы вывозили оливковое масло, ароматические эссенции и масла, в том числе особенно высоко ценившееся в Париже розовое масло, а также шерсть, хлеб. Добившись в 1813 г. полной независимости от соседнего Алжира, тунисские бей, однако, вскоре оказались перед серьезными финансовыми затруднениями, чему способствовало прекращение доходов от пиратства и работорговли. Поддержав французскую экспедицию 1830 г. в Алжир, Тунис в 30–40-е годы попытался было с помощью Франции провести в стране реформы и, в частности, создать вместо янычарского корпуса регулярную армию.

Ахмед-бей (1837–1855), отклонив принципы Танзимата (в чем он следовал Мухаммеду Али Египетскому, перед которым преклонялся), тем не менее по примеру того же Мухаммеда Али начал быстрыми темпами налаживать военную промышленность и европейское образование, включая военное. В стране стали основываться колледжи и училища, издаваться газеты и книги. Все это легло тяжелым финансовым бременем на страну и привело к кризису. Преемники Ахмедбея изменили его политику, поддержали идеи Танзимата и начали перестраивать администрацию и хозяйство по европейским стандартам. В 1861 г. в Тунисе была принята первая в арабо-исламском мире конституция, установившая систему ограниченной

монархии с ответственным перед Верховным советом правительством (совет частично назначался, частично избирался по жребию из списка привилегированных – нотаблей). Эти нововведения воспринимались народом, как то было несколько позже и в Марокко, с недоверием и рождали внутреннее сопротивление, неприятие. Возглавляемые религиозными вождями-марабутами крестьяне поднимали восстания. Наиболее сильным из них было выступление 1864 г., участники которого требовали отмены конституции и снижения налогов, восстановления традиционного исламского шариатского суда. Для подавления восстания правительству пришлось прибегнуть к помощи иностранцев, к иностранным займам. Рост задолженности привел в 1869 г. к банкротству Туниса и созданию Международной финансовой комиссии, что сильно ограничило суверенитет страны, поставило ее на грань превращения в полуколонию. Кризис, непосильные налоги, восстания – все это привело еще сравнительно недавно процветающую страну в состояние глубокого упадка, к сокращению численности населения почти втрое, до 900 тыс. человек.

Пришедший к власти в 1873 г. премьер Хайрадин-паша не стал заботиться о возрождении конституционных норм, но зато предпринял ряд важных реформ, приведших к упорядочению налогообложения, изменению характера землепользования, развитию просвещения, здравоохранения, благоустройства. Он пытался подчеркнуть вассальную зависимость от Османской империи, дабы обезопасить страну от натиска колониальных держав. Однако после Берлинского конгресса 1878 г. Франция добилась признания Туниса своей сферой влияния, а в 1881 г. Тунис был занят французами и превращен в протекторат.

Колониальные власти приступили к активному хозяйственному освоению страны. Строились горнорудные предприятия (фосфориты, железо), железные дороги, причалы. В Тунис привлекались европейские колонисты: на рубеже XIX–XX вв. они составляли около 7 % населения и владели 10% лучших земель, дававших товарное зерно (там применялись минеральные удобрения, сельскохозяйственные машины). Приток колонистов способствовал росту националистических настроений тунисцев, среди которых стали появляться рабочие и увеличивалась прослойка образованных. Появлялись различного рода кружки и ассоциации, устанавливались связи с – национальными движениями в Турции и Египте. Как в Алжире, младотунисцы были склонны к переустройству традиционной структуры с помощью французов, а противостоявшие им традиционалисты, напротив, считали нужным опираться на исконные нормы и прежде всего на ислам. Как и в Алжире, наиболее боевую часть профсоюзного движения в начале XX в. представляли рабочие-европейцы, тогда как восстания тунисских крестьян были отражением сопротивления традиционной структуре, не принимавшей, отторгавшей нововведения. Шли на определенные уступки и представители колониальной администрации: в 1910 г. для тунисцев была создана специальная секция-курия при Консультативной конференции, созданной в 1891 г. и состоявшей тогда из депутатов от европейского населения.

2) Ливия. Предки берберов ливийцы, давшие этой стране ее современное название, населяли район к западу от Египта еще в глубокой древности, а в поздний период существования древнеегипетского общества они даже освоили многие земли в дельте Нила, создавали правившие Египтом ливийские династии. После VII в. Ливия, как и весь Магриб, была завоевана арабами и стала исламизироваться и арабизироваться, а в середине XVI в. она превратилась в часть Османской империи. Как и Тунис, Ливия долгое время была базой средиземноморских корсаров и центром работорговли. Управляли ею выходцы из янычар, после которых власть перешла к турецкой по происхождению династии Караманлы (1711–1835), при которых вассальная зависимость от турок заметно ослабла, а официальным языком стал арабский.

Начало XIX в. прошло под знаком усиливавшегося натиска европейских держав, которые под предлогом прекращения пиратства и работорговли принудили Ливию к заключению ряда соглашений, и в частности неравноправного договора 1830 г. с Францией. Тяжелые налоги и внешние займы здесь, как и в Тунисе, привели к финансовому кризису, но выход из него оказался иным, чем в Тунисе: с помощью Англии, опасавшейся усиления французских позиций

в Магрибе, Турция в 1835 г. сумела восстановить в Ливии свой практически давно уже утраченный суверенитет и начать энергичные реформы, основанные на принципах Танзимата. Реформы с их ориентацией на европеизированную систему администрации, суда, торговли, просвещения, издательского дела в немалой степени трансформировали традиционную структуру и тем вызвали резкий протест привычного к ней населения. Протест принял формы религиозного сопротивления, возглавленного орденом сенуситов, основанным марабутом ас-Сенуси, выходцем из Алжира, укрепившимся в 1856 г. в пустынной местности Джагоуб – оазисе посреди обширной южноливийской Сахары.

Из прилегавших к оазису земель сенуситы создали обширные владения (далеко не только в пустыне), своеобразное государство в государстве со своими торговыми центрами и военными укреплениями. Приход в Турции к власти противника Танзимата султана Абдул-Хамида II (1876–1909) был воспринят сенуситами как сигнал к атаке: сенуситы выступили как против либеральных реформ собственного правительства, так и против действовавших к югу от них в районе оз. Чад французских колонизаторов. Влияние ордена все расширялось, и французы были вынуждены вести с ним долгую изнурительную войну, завершившуюся в Центральной Африке в их пользу лишь в 1913–1914 гг. Что же касается Ливии, то только после начала младотурецкой революции в Турции в 1908 г. ситуация здесь вновь стала изменяться в пользу сторонников реформ: были проведены выборы в меджлис, стали активно обсуждаться на страницах периодических изданий проблемы приспособления ислама к новым условиям, включая технический прогресс, права женщин и т. п.

В 1911 г. Италия, развязав войну с Турцией, попыталась захватить Ливию. Однако после захвата Триполи и некоторых районов побережья война приняла затяжной характер. И хотя Турция по договору 1912 г. согласилась признать часть Ливии автономной территорией, находившейся под управлением Италии (с сохранением верховного суверенитета за султаном), война, которая приняла характер партизанской борьбы, возглавлявшейся сенуситами, продолжалась. В 1915 г. было создано сенуситское правительство в Киренаике, в 1918 г. вожди триполитанского восстания 1916 г. создали республику Триполитания.

3) Египет. Реформы Мухаммеда Али (1805–1849) выдвинули Египет, формально все еще связанный с Османской империей, но фактически независимый от нее и даже не раз побеждавший ее армии и захватывавший ее земли, в число ведущих и наиболее развитых стран Востока. Сильная регулярная армия (до 200 тыс. солдат), строго централизованная администрация, хорошо налаженное сельское хозяйство при правительственной монополии на экспорт товарных культур (хлопок, индиго, сахарный тростник), строительство государственных промышленных предприятий, прежде всего военных, поощрение достижений европейской науки и техники, создание сети учебных заведений различного профиля – все это было основой укрепления власти Мухаммеда Али, отнюдь не случайно ставшего объектом подражания для определенных слоев населения в других странах Магриба. Заслуживает упоминания и то обстоятельство, что Мухаммед Али не шел по пути танзиматных реформ, но, напротив, всячески подчеркивал национальное «я» Египта и форсировал усиление страны, дабы ее не постигла печальная участь колонии.» Столкнувшись с оппозицией держав (особенно Англии), отнявших у него плоды побед в его успешных войнах с султаном, Мухаммед Али в начале 40-х годов не только вынужден был отдать завоеванное (Сирию, Палестину, Аравию, Крит) и вернуть перешедший на его сторону турецкий флот, но и уступить натиску иностранного капитала, приоткрыв двери для свободной торговли.

Проникновение иностранных товаров нанесло тяжелый удар как по отсталой государственной промышленности (казенные фабрики в условиях свободной конкуренции оказались нерентабельными, не говоря уже о том, что насильно мобилизованные для работы на них вчерашние феллахи работать не хотели и нередко портили дорогие машины), так и по всей истощенной войнами финансовой системе. При преемниках Мухаммеда Али многие из государственных предприятий, равно как и дорогостоящие учебные заведения, были закрыты. Зато частное предпринимательство европейцев, включая строительство железных дорог,

хлопкоочистительных и сахарных заводов и, наконец, стратегически бесценного Суэцкого канала, шло полным ходом. Развитие сферы рыночных связей и товарно-денежных отношений вынудило египетские власти издать ряд реформ, направленных на расширение прав собственников в деревне, изменение налогообложения. Расходы страны на строительство и проценты по иностранным кредитам привели финансовую систему к краху: в 1876 г. Исмаил объявил о банкротстве, после чего по настоянию Англии и Франции была создана специальная комиссия, в ведение которой перешла значительная часть доходов казны. Были проданы принадлежавшие хедиву акции Суэцкого канала. Наконец, комиссия египетского долга заставила Исмаила создать правительство во главе с Нубар-пашой, известным своими проанглийскими симпатиями. Посты министров финансов и общественных работ (т. е. те, что контролировали доходы страны) заняли соответственно англичанин и француз.

В стране зрело и все чаще открыто проявлялось недовольство этими уступками и всей политикой хедива и колониальных держав. В 1866 г. была создана палата нотаблей – совещательный орган, в котором стали задавать тон оформившиеся в 1879 г. в Национальную партию (Ватан) представители влиятельных слоев египетского общества. Эта палата потребовала от хедива распустить «европейский кабинет», что он и сделал. В ответ на это державы заставили султана низложить Исмаила, а новый хедив разогнал палату и восстановил иностранный финансовый контроль, ущемив при этом интересы армейских офицеров (была сокращена армия). В сентябре этого же 1879 г. восстал каирский гарнизон во главе с полковником Ораби (Арабипаша). Хедив был вынужден подчиниться давлению недовольных и восстановить национальный кабинет во главе с Шериф-пашой и с участием ватанистов. Но события развивались быстрыми темпами. Скоро новое правительство стало выглядеть весьма умеренным на фоне требований радикальных участников движения недовольных во главе с Ораби. В феврале 1882 г. армия свергла правительство ватанистов. Утратил свое влияние и видный теоретик Национальной партии, соратник аль-Афгани, основателя теории панисламизма, М. Абдо.

Радикалы во главе с Ораби выступили с антииностранными лозунгами и стали энергично очищать страну от европейской «заразы»: закрывались кафешантаны и публичные дома, рестораны и оперные театры, восстанавливались традиционные нормы ислама. Ораби получил поддержку и со стороны турецкого султана АбдулХамида, присвоившего ему титул паши. В феврале 1882 г. был создан новый кабинет, в котором Ораби занял пост военного министра. Напряжение в стране усиливалось. Стали подниматься крестьяне под лозунгами борьбы с неверными. Все европеизированные слои египетского общества бежали в Александрию под защиту прибывшей туда английской эскадры. Вскоре сюда же прибыл хедив. В то же время в Каире был образован Военный совет, созван Национальный меджлис, в котором решающей силой стали сторонники Ораби, в том числе его офицеры. Началось открытое противостояние. В июле 1882 г. хедив сместил Ораби, объявив его мятежником. В ответ на это Ораби заявил, что считает хедива заложником иностранцев, «пленником англичан». Англия поддержала хедива и вскоре ее войска заняли Каир. Ораби был предан суду и выслан на Цейлон, а Египет превратился в протекторат Англии.

Впрочем, формально Египет имел особый статус и по-прежнему считался как бы автономной частью Османской империи. Согласно изданному в 1883 г. Органическому закону здесь были созданы Законодательный совет и Генеральное собрание (в 1913 г. они были объединены в Законодательное собрание), тогда как вся исполнительная власть оказалась сосредоточенной в руках английского консула, сохранявшего полный контроль над деятельностью кабинета во главе с премьером. Конечно, реальная власть сохранялась за колонизаторами, но сам факт существования и законодательной палаты, и кабинета министров призваны были подчеркнуть, что Египет имеет особый статус.

Английский и иной иностранный капитал, начавший активно внедряться в Египет после 1882 г., способствовал убыстрению развития страны, В начале XX в. промышленные рабочие исчислялись уже почти полумиллионом человек – цифра весьма солидная для того времени (в это число входили и те, кто был занят на мелких предприятиях; чуть меньше половины общего

количества рабочих были европейцами). Среди египтян было уже немало образованных людей, интеллигентов; складывалась и национальная буржуазия. Снова появились разгромленные было на рубеже 70 – 80-х годов внешние атрибуты европеизации: клубы, рестораны, салоны. Работали телеграф и телефон, кинематограф, университеты, издательства. Снова стали вестись ожесточенные споры о судьбах страны и народа, причем противостояли друг другу выступавшие за вестернизацию либералы, в основном лица с европейским образованием, и отстаивавшие нормы ислама традиционалисты, значительная часть которых была достаточно близка к широким массам египетского населения, недовольного колонизацией страны. Как и в ряде других стран Магриба, на рубеже XIX–XX вв. в Египте начало зарождаться рабочее, профсоюзное и социалистическое движение, но представителями его в основном были выходцы из Европы, рабочие или интеллигенты. Что же касается египетского коренного населения, то оно втягивалось в это движение весьма медленно.

Этому способствовал и становившийся все более явственным религиозно-националистический акцент в социально-политической жизни Египта. Накануне мировой войны в распадавшейся на фракции партии ватанистов усилились позиции религиозных экстремистов, прибегавших к методам вооруженного террора. Убийство в 1910 г. премьера Б. Гали, выходца из коптов, египетских христиан, еще более усилило религиозную рознь в стране. В 1912 г. партия Ватан была запрещена, а на передний план в политической борьбе после войны вышли новые силы, прежде всего созданная в 1918 г. партия Вафд. Эта партия развернула мощное движение с требованием национальной независимости.

4) Судан. В политической лексике, в отличие от географической, понятие «Судан» используется только для обозначения государства, расположенного в восточной части обширного суданского пояса Африки. Это древняя страна, упоминаемая еще в древнеегипетских источниках под названием Куш. В 1820–1822 гг. Судан был завоеван Мухаммедом Али Египетским. Завоевавшее Судан турецко-арабское войско Мухаммеда Али ввело здесь жесткий режим военной администрации. Население было обложено тяжелыми налогами. Были созданы провинции, районы и волости и упразднены старые султанаты. Стало поощряться выращивание товарных культур – хлопка, сахарного тростника, мака. Развивалась торговля, главными предметами суданского экспорта были гуммиарабик, слоновая кость, страусовые перья и т. п. Значительное место в суданском экспорте занимала работоторговля, причем она процветала, несмотря на официальные запреты. В 60– 70-е годы, когда англичане стали активно проникать в экономику и политику Египта, хедив Исмаил продолжил завоевания Мухаммеда Али, присоединив к захваченным ранее суданским землям Дарфур и населенные африканцами-нилотами южные территории, примыкающие к Кении, Уганде и французскому Конго. Губернатором южных губерний был тогда назначен сопровождавший хедива англичанин Бейкер, а в 1877 г. губернатором всего Судана стал английский полковник Гордон. Губернаторами основных провинций тоже были назначены подчиненные Гордону англичане. Налоги были еще увеличены.

Недовольство непосильным налоговым бременем вызвало массовое народное движение, принявшее религиозные формы. В 1881 г. мусульманский проповедник Мухаммед Ахмед объявил себя Махди, т. е. мессией, посланным Аллахом. Он призвал суданцев выступить против неверных – Англии и служащих ей или отошедших от истинной веры турок и египтян. Несмотря на посылку против Ахмеда карательного корпуса, махдисты выстояли и начали развивать свой успех. В 1885 г. они, захватив почти все земли Судана, создали независимое теократическое государство, управлявшееся после смерти Ахмеда халифом (заместителем) Абдаллахом. Организованный по обычному для средневековых исламских государств стандарту, этот халифат продержался до 1898 г., ведя войны с соседней христианской Эфиопией (1885–1889). В 1898 г. медленно продвигавшийся к югу по Нилу (с одновременным строительством железной дороги) десятитысячный вооруженный «максимами» корпус генерала Китченера в нескольких решающих сражениях буквально расстрелял огнем пулеметов многотысячные армии суданцев и захватил в свои руки практически весь Судан. Идя на юг, он

в сентябре достиг Фашода, где с удивлением обнаружил отряд капитана Маршана, который шел с запада, ставя своей целью соединить французские колониальные владения в Западном и Центральном Судане через юг Восточного Судана с восточным побережьем, где в районе Сомали у французов уже был колониальный плацдарм.

Инцидент в Фашоде грозил военным столкновением держав, движимых противоположными политическими интересами: англичане, захватывая Судан, осуществляли свою старую мечту – создать непрерывную цепь владений от Кейптауна до Каира. После недолгих консультаций на высоком правительственном уровне Франция все же отступила. Инцидент был исчерпан. Англия одержала верх. В 1899 г. было заключено соглашение о совместном англо-египетском управлении Суданом (кондоминиуме). Режим кондоминиума был в гораздо большей степени близок к обычной колониальной администрации, нежели то было в Египте: высшая власть в Судане отныне принадлежала английскому генерал-губернатору, назначенному хедивом по рекомендации англичан. Во главе провинций стояли английские губернаторы, контролировавшие традиционную систему администрации на местах. Франция и другие страны отказывались от притязаний на Судан, они не имели в нем даже консулов. Словом, это была обычная колония, в которой хозяйничали англичане, тогда как соучастие Египта в управлении и хозяйственном освоении Судана было более чем второстепенным.

5) Сомали и Эфиопия. Сомали, как и Эфиопию, и страны, расположенные к югу от них, к числу арабских безоговорочно отнести уже нельзя. Правда, процесс исламизации полуострова, населенного африканцами кушитской языковой группы (близкой родственницы семитской группы в рамках семито-хамитской семьи языков), сопровождался заметным увеличением арабского и арабоязычного компонентов здесь, но сомалийцы (их язык письменности не имел) численно обычно преобладали. На территории Сомали в XII–XVI вв. спорадически складывались раннегосударственные образования в форме султанатов, но они были непрочными и быстро распадались. Исключения являют лишь города Могадишо, Мерка, Брова, населенные преимущественно арабскими и арабоязычными торговцами. Коца в начале XIX в. маскатский Оман разделился на Оман и Занзибар, эти города и прилегающие районы стали владением султанов Занзибара, как и все восточноафриканское суахилийское побережье. В 70-е годы XIX в. во внутренних районах Сомали возникли султанаты Оббия и Миджуртини.

Первые попытки колониальных держав проникнуть на полуостров относятся к середине XIX в., причем они в значительной мере были вскоре стимулированы перспективой открытия Суэцкого канала. С открытием канала сомалийское побережье стало стратегически важной территорией. Неудивительно, что державы начали бороться за его колонизацию. В 80-е годы Франция оккупировала северную часть Сомали. Именно она служила опорным пунктом в стремлении французов продвинуться на запад и соединить свои восточноафриканские владения с западноафриканскими (инцидент в Фашоде, как упоминалось, положил конец этим стремлениям). Северное Сомали было французской колонией до 1977 г. Основная же часть полуострова была в конце XIX в. поделена между Англией и Италией. Англичанам достались стратегически важные территории побережья, а опоздавшей к разделу колоний Италии – лишь внутренние районы, которые она стремилась расширить за счет экспансии в сторону Абиссинии (Эфиопии). Колониальные захваты в Сомали вызвали стойкое сопротивление отсталой традиционной, структуры, принявшее форму затяжного полупартизанского вооруженного движения против колонизаторов. Только в 1920 г. эта вооруженная борьба была подавлена.

Эфиопия. Эфиопия лежит преимущественно во внутренних районах Восточной Африки, на территории, столь же скудной природными ресурсами и не избалованной плодородными землями, как и Сомали. Эфиопы родственны сомалийцам и по языку: в большинстве они принадлежат к той же кушитоязычной группе африканцев. Но Эфиопия тем не менее существенно отличается не только от Сомали, но и от народов всей остальной Африки: корни ее цивилизации уходят в глубокую древность, причем эта цивилизация всегда была христианской по ее религиозно-культурной основе (впрочем, часть страны была в свое время исламизирована). Кроме того, ее так и не постигла участь колонии, хотя Италия делала все, что

было в ее силах, дабы колонизовать эту страну. Как известно, она добилась своего лишь в середине 30-х годов, а уже в 1941 г. Эфиопия была освобождена войсками союзников.

Справедливости ради следует заметить, что ни древность цивилизации, ни христианские традиции сами по себе не стали на протяжении длительной истории страны фактором существенного экономического либо социокультурного ее развития. Возможно, для такого развития не было природно-климатической базы. Может быть, сыграла свою роль удаленность страны от побережья с его развитой торговлей. Важной причиной замедленного развития была также традиционная рыхлость системы административного управления: на протяжении веков страна представляла собой скорее федерацию автономных княжеств и султанатов, нежели сколько-нибудь централизованную державу, а символически возглавлявшие ее императоры-негусы Соломоновой династии были марионетками в руках правителей этих княжеств. Словом, факт остается фактом: Эфиопия в целом, несмотря на свои древние традиции, была немногим более развита, чем окружавшие ее африканские народы, и значительно уступала в этом плане арабским странам Северной Африки.

Все это хорошо ощущали верхи страны, ее правящие слои. В середине XX в. к власти пришел негус Теодрос II (1855–1868), который впервые за долгие века не был представителем Соломоновой династии. Он провел ряд важных реформ, направленных на усиление централизованной администрации, на поддержку церкви с одновременным подчинением ее государству, а также на ускорение темпов развития. Однако эти реформы, которые не были подкреплены достаточными экономическими инъекциями извне, со стороны колониальных держав, не привели к успеху. Встретив сильное внутреннее сопротивление со стороны не желавшего изменений крестьянства, на чье недовольство опирались фрондирующие князья, Теодрос должен был тратить силы на подавление сопротивления. А нежелание его активно сотрудничать с колонизаторами привело к конфронтации с Англией, поддерживавшей его противников, что и привело в конечном счете к гибели негуса.

Его преемники, особенно Менелик II (1889–1913), стремились продолжать политику Теодроса и кое в чем преуспели. Они сумели сконцентрировать в своих руках власть, успешно воевали с Египтом (за которым стояли англичане) и с махдистским Суданом, оказывали стойкое сопротивление Италии. Итало-эфиопская война, в ходе которой итальянцы настойчиво, но неудачно пытались расширить свои колониальные владения за счет Эфиопии, привела в 1896 г. к заключению договора, по которому Италия вынуждена была признать независимость Эфиопии. Эта война и вся внешняя политика страны, ориентированная на отстаивание независимости, стоили неразвитому государству очень дорого, не оставляя ему возможностей для экономического развития. Естественно также, что находившиеся в состоянии войны с эфиопами англичане, итальянцы и союзные им другие европейские народы в силу одного уже этого обстоятельства весьма мало внимания уделяли колониальному освоению Эфиопии. Правда, они получали концессии и строили железные дороги, доминировали в сфере внешней торговли, даже одно время сговаривались было о разделе страны на сферы влияния. Но парадокс в том, что, не чувствуя свободы действий (Эфиопия не была связана неравноправными договорами или колонизована) и к тому же не будучи слишком заинтересованы в освоении эфиопских земель, маловыгодных с экономической точки зрения, колониальные державы тем самым не способствовали развитию этой страны, не вкладывали в нее капиталы, не создавали условий для ее торгово-промышленного развития.

Первые двадцать лет XX века, особенно после смерти Менелика и перехода престола к его несовершеннолетней дочери, прошли под знаком острой внутривнутриполитической борьбы в стране. Суть ее сводилась к противостоянию прогрессистов-младозэфиопов и традиционалистов-старозэфиопов, причем позиции последних вначале были значительно более крепкими. Большинство страны, почти не затронутое колониальной трансформацией, не желало перемен и тормозило все соответствующие весьма слабые и робкие попытки. Ситуация изменилась лишь в конце 20-х годов, когда лидер младозэфиопов и регент при правительнице Тафари Маконнен сумел стать во главе армии, а затем, после смерти дочери Менелика, негусом под именем Хайле Селассие (1930–1974).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Социальная история стран Зарубежной Азии / Под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова. М., 1927, т. 1—11.

Пособия

2. Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. М., 1994.
3. Всемирная история. М.; т. IV, 1958, т. V, 1959
7. Всеобщая история искусств. М., 1960, т. III.
4. История дипломатии. М., 1959, т. 2-3.
5. Колесницкий Н. Ф. Феодалное государство. М., 1967.
6. Советская историческая энциклопедия. В 12 (16) т. Т. 1-16. - М.: Советская энциклопедия, 1963 - 1976.
7. Новая история стран Азии и Африки: В 3 ч. М., 2004.
8. Новейшая история стран Азии и Африки: В 3 ч. М., 2004.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМ.Ф.СКОРИНЫ